

Об авторе стихотворения "Не может быть"

3 марта 1866 года Некрасову было прислано стихотворение под заглавием "Не может быть", подписанное "Неизвестный друг". Автор стихотворения страстно протестовал против слухов, позоривших доброе имя поэта. Вместе с тем; стихотворения Некрасова, посвященные М. Н. Муравьеву и О. И. Комиссарову, вызвали возмущение среди прогрессивной интеллигенции. Некрасов получал письма, осуждавшие его выступления. Под влиянием суровых обвинений Некрасов в декабре 1867 года написал стихотворение "Умру я скоро. Жалкое наследство...", посвященное "Неизвестному другу", автору стихотворения "Не может быть".

В. И. Ленин отметил это стихотворение Некрасова как характерное для сложного пути поэта. "Некрасов колебался, - писал В. И. Ленин, - будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои "грехи" и публично каялся в них". {В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 287.}

О том, какое значение придавал Некрасов поэтическому посланию "Неизвестного друга", свидетельствует собственноручная его помета к изданию собрания своих сочинений: "Не выдуманный друг, но точно неизвестный мне... Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании". {Н. А. Некрасов. Стихотворения. Посмертное издание, т. IV, СПб., 1879, стр. LXXIII.}

Кто же был автором стихотворения "Не может быть"?

В 1878 году сестра поэта А. А. Буткевич писала С. И. Пономареву, библиографу и редактору посмертного издания стихотворений Некрасова: "Стихи "Не может быть" посылаю, они должны войти в примечания или в приложения. Друг этот так и остался не признанным. Жив ли он или нет? Ничем себя впоследствии не заявил". {"Литературное наследство", кн. 53--54 1949. стр. 170.} И позднее имя "Неизвестного друга" оставалось нераскрытым. На этот счет строились всевозможные догадки и предположения С. И. Пономарев приписывал стихи Е. П. Владимирской {С. И. Пономарев Наши писательницы СПб, 1891, стр. 22, см. также сб. "Свисток". I, М., 1922, стр. 163.} Стихотворение приписывалось также И. С. Никитину (что легко опровергается датой смерти поэта - 1861 год, а стихотворение "Не может быть" получено Некрасовым 3 марта 1866 года), В. А., В. П. или П. А. Гайдебуровым. {"Литературное наследство", кн. 53--54, 1949, стр. 565.}

В настоящее время мы имеем в руках дневник Ольги Васильевны Мартыновой {ИРЛИ, Р. II, оп. 1, No 299.}, дающий точное указание, что автором стихотворения "Не может быть" является дочь О. В. Мартыновой - Ольга Петровна Мартынова, писательница 50--90-х годов XIX века, писавшая под псевдонимами: Павлова О., Павлова Ольга, П-а Ольга, Ольга П.

В дневнике О. В. Мартыновой читаем: "Олюша на 6-е число, т. е. воскресенье, написала стих Некрасову. Заставила меня плакать от восторга. Вот этот стих: "Не может быть (Н. А. Некрасову)"..." (1866, 7 февраля, л. 137). Этим устанавливается и дата стихотворения "Не может быть" - 6 февраля 1866 года.

Дневник О. В. Мартыновой, написанный иногда наивно, но всегда искренно и живо, представляет собой объемистую тетрадь в 187 листов в картонном переплете. Первая запись дневника относится к 1 января 1865 года, а последняя - к 28 мая 1866 года. В дневнике отражена жизнь семьи О. В. Мартыновой; все, чем жила О. В. Мартынова, представлено в мельчайших подробностях. Семья, состоящая из отца, матери, сына и дочери-поэтессы О. Павловой, почти непрерывно бьется в тисках нужды. По некоторым намекам, разбросанным в дневнике, можно думать, что отец занимает частную должность управляющего, но его заработок не обеспечивает семью. "... не прошло часу, пришел городской с угрожающей бумагой. Я была в кухне. Олюша сказала, что деньги посланы. Не дадут вздохнуть свободно. Наши обстоятельства, горе, заботы все существо мое перевернуло" (1865, 28 февраля, лл. 21-21 об.). "Ходили с Олюшей за таким делом, которое мне было тяжело исполнить. Денег ни гроша. Надобно было прибегнуть к отчаянному средству: мы продали в серебрянную лавку новую

ложку, выручили около пяти рублей. Исправили кое-какие нужды, не терпящие отлагательства" (1865, 2 марта, л. 22). "Папа не приехал ночевать. Всем было очень грустно, я была без гроша, все в долг взяла в лавке. Я с горя принялась за шитье одеяла. Неутомимо работала целый день, а Олюша вышивала подушку. Была Анна Ивановна, хотела занять у меня денег, а я только что не сказала ей: "Нет ли у Вас руб<ля> сер<ебром>". Папа приехал домой в 12 часов. Мы его с нетерпением ожидали. Он обрадовал нас: привез Веберу за квартиру и нам на расходы" (1865, 23 марта, л. 30). Таких записей в дневнике немало.

Мать и дочь любят театр, посещают итальянскую оперу и художественные выставки. Ольга Петровна, сама прекрасная музыкантша, пишет романсы и музыку к ним. В доме у них бывают А. О. Ишимова, художник Х. П. Платонов. Они знакомы с Н. И. Гречем, Ф. К. Никольским, знаменитым тенором того времени - "русским Рубини", как называет его О. В. Мартынова.

Все записи О. В. Мартыновой проникнуты глубокой нежностью и задушевностью, когда она пишет о своей дочери Олюше.

Ольга Петровна Мартынова (Павлова) родилась 11 марта 1832 года. Получила домашнее образование, хорошо знала четыре иностранных языка. Она была профессиональным литературным работником: писала стихи, рассказы и занималась переводами. Литературную деятельность О. Павлова начала переводами в журналах А. О. Ишимовой "Луч" и "Звездочка", где сотрудничала в течение одиннадцати лет. О. Павлова печаталась также в "Сыне отечества", "Современнике", "Библиотеке для чтения", "Женском вестнике", "Литературной библиотеке", "Вестях", "Новом времени" и других периодических изданиях.

О характере поэтического творчества Ольги Павловой можно судить по сборнику ее стихотворений - "Стихотворения Ольги П<авловой>", (СПб., 1857, 68 стр.). Сборник содержит 38 стихотворений. Заглавия некоторых из них говорят об общем направлении ее творчества: "Молитва", "Великий пост", "Кладбище", "Крест". Вера в лучший мир за гробом - вот лейтмотив ее стихотворений. Если к этому прибавить такие стихи, как

Спи, столица дорогая,
Под защитой Николая, -
(Ночь над Петербургом)

то общественное лицо автора будет обрисовано полностью. Рифмы ее стихотворений основаны на одинаковых морфологических окончаниях. Заметно стремление подражать Кольцову, Никитину, Хомякову и Некрасову.

Ольга Павлова была увлечена поэзией Некрасова, с которым, как видно из дневника ее матери, она была лично знакома. Обаяние, произведенное на нее личностью поэта, настолько противоречило в ее сознании злобным слухам о нем, что вызвало в ней глубокое и искреннее возмущение, выразившееся в стихотворении "Не может быть".

О. Павлова умерла 19 марта 1896 года. Отклики на ее смерть были помещены во "Всемирной иллюстрации", "Историческом вестнике", "Новом времени", "Нови". {См.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. IV, Пгр., 1917. стр. 195 (Мартынова О. П.)}

Печатаемые ниже выдержки из дневника О. В. Мартыновой рисуют обстоятельства, предшествовавшие написанию стихотворения "Не может быть".

1865

Сентябрь

Чет<верг> 30. Ясно, холодно. Ходили к Некрасову, не застали его дома, нам сказали, что он принимает по понедельникам и пятницам от часу до трех... (л. 82).

Октябрь

Понед<ельник> 4. Облачно, холодно, ветрено. Замечательный день! Мы решились идти сегодня к г. Некрасову, много мыслей перешло у меня через голову: как-то он примет, про него говорили много дурного, что он кутила, что он девушек любит, что он близко не подпустит соперника, что он Розенг<ейма> {Михаил Павлович Розенгейм (1820--1887), поэт. Добролюбов резко критиковал Розенгейма как представителя умеренного либерализма за его мелкие изобличения.} за то ненавидит, что у него стих хорош. Каково мне было идти к нему с девушкой, да еще с такой скромной, чистой. Зато уж Олюша не похвалится моей любезностью во время пути, я все молчала, или ответы мои были коротки. Погода была дурна, ветрено, холодно, идти не близко к Бассейной, но мы дошли пешком, позвонили, в одну минуту нам отворили, у меня сердце забилося, какой-то офицер с нами шел, опросил у человека: "дома, принимает?", и на утвердительный ответ человека сказал: "ну и хорошо". Мы вошли вслед за ним. Я разделась, Олюша вошла в пальто. В кабинете было, кроме его, трое мужчин: двое стояли с ним, а третий старик, обросший волосами и огромной бородой, с сигарой, сидел и смотрел на всех испытующим взглядом наблюдателя. Мы лично не знали г. Некрасова и потому не знали, к кому из них обратиться; человек нам его показал, она подошла к нему, он ей поклонился очень учтиво, но холодно, и спросил: "Что вам угодно?". Она спросила: "С господином ли Некрасовым я имею честь говорить?". Он сказал: "Да". Она немного оробела или, может быть, его бледный и изнеможенный вид ее поразил; она остановилась на минуту. Я испугалась и подумала. "Мать божия, помоги ей". Она спросила его: "Не знаю, слышали ли вы обо мне. Я Ольг<а> П<етровна> Павл<ова>. Он сказал: "Извините, признаюсь, не слыхал". Она подала ему свои прекрасные стихи "Ваню" и "К***". {Имеются в виду стихотворения О. Павловой "К***" (Когда я порой вспоминаю невольню тебя") и "Ваня", напечатанные в "Современнике" (1865, т. 110, стр. 114, 395--396).} Он начал читать и, вероятно, прочел не более трех, четырех строк и спросил ее: "Вам угодно, чтоб я сейчас прочел или вы оставите у меня их, чтоб я прочел на досуге?". Разумеется, она согласилась; он записал наш адрес и сказал: "Я и дом-то знаю". Вероятно, по нескольким прочитанным им строчкам, как опытный, чудный поэт, понял, что это не обыкновенный набор рифм. Что же я делала в это время? У меня сердце билось, как от угара, я села в близ стоявшее от меня кресло, прислушивалась к каждому слову и в одно и то же время машинально рассматривала кабинет. Огромная комната, убранная с изящной простотой, драпери, занавесы и портьеры из зеленого драдедаму, ковер во всю комнату также, хоть и с цветами, но зеленый цвет преобладающий; у первого окошка стол, покрытый зеленым сукном, посреди комнаты огромный стол также покрыт зеленым сукном, кругом стола все кресла, стулья; у другого окна чучело огромного медведя в сидячем положении, - вот все, что успела рассмотреть в это короткое время. Олюше более нельзя было оставаться, она сказала ему: "Позвольте мне иметь счастье пожать вашу руку" ... Хотела, вероятно прибавить: "как первого нашего поэта", но не сказала. Он, без сомнения, понял, сжал ей крепко руку и в этих угасших глазах блеснуло чувство, и взор оживился. Я подумала: неужели Некрасов держал ее за руку... Он нас проводил в переднюю, позвал человека кротко, тихо, вторично подал Олюше руку и взглянул ей в глаза так просто, с такой добротой. Я сказала ему, что она давно желала быть у него или видеть его, не помню хорошенько. Он продолжал смотреть на нее и сказал: "Я очень рад". Прием его мне очень понравился, без этих выходов и притворства всех этих господ и господж, где нам случалось быть. Не знаю, что он сделает для нее, напечатает ли ее стихи, будет ли впоследствии для нее тем, чем был в первый наш приход, только скажу, что он поразил меня своей добротой, простотой в обращении. Я так и начала припоминать его стихи, где так много чувства, в них непритворный отблеск его прекрасной души. Все пустые наговоры на него мне показались так низки, я не верю ничему, и все, что эти душонки об нем распространяют, происходит от зависти. Им до него, как до звезды небесной, далеко. Я вышла от него в чаду, мы наняли извозчика, и я чуть не сказала ему, что мы были у Некрасова и что он Олюшу так очаровательно принял. Приехали домой, сели обедать, я по обыкновению не могла ничего в рот взять, мне казалось, что мы от земли отделились. Одно мне только страшно, чтоб он от земли не отделился, он очень бледен, худ, взор угасший, впрочем, тут можно вспомнить справедливую русскую пословицу: "Скрипучее дерево скрипит да стоит". Может быть, господь и его сохранит для славы России... (гл. 84--87).

Пят<ница> 8. Ясно, тепло, потом облачно, вечером в 11 часов дождь. ... Но надежда моя была напрасна. Мы приготовились обе писать: Олюша письмо к Олечке, а я описывать первый визит к Некрасову... (л. 88).

Пон<едельник> 11. Опять важный день в нашей летописи! Ездили опять к Некрасову и очаровались им еще более. Он такой человек, какого я в жизни еще не встречала. Мы пришли к нему за ответом об Олюшиных стихах, которые он в первое наше посещение оставил у себя, чтоб прочесть *на досуге* (его слова). Он принял нас, как и прежде, очень учтиво и с своей обыкновенной грустью во взоре. Сказал, что читал ее стихи, что они *хороши*, что их можно напечатать; сотрудник его вмешался в разговор и сказал, что один уж напечатан, а Некрасов ответил на это: т. е. оба набраны, один будет напечатан в Октябре, другой в Ноябре. Что он сам к нам хотел *зайти*, что если б Олюша не пришла, то он бы завтра у нас был; спрашивал, много ли у нее стихов, он бы желал все видеть. Она сказала ему: "Вы сказали слово, которое очень меня обрадовало". - "Какое?" - "Вы хотели к нам зайти". - "Что ж тут такого?" - "Когда вы приедете ко мне, все мои стихи к вашим услугам" - "Скажите мне, что вы за личность, я об вас не слыхал, как вы у меня между глаз прошли?". Тут только он вспомнил, что они оба стояли. Он этих пустых приличий не наблюдает, он, как человек необыкновенный, не может подчинить себя этой кукольной комедии. "Сядьте". Они сели к окну, а я довольно далеко от них. Олюша ему объяснила, чем она занималась, где печатала свои стихи, что знает четыре языка. Он слушал со вниманием, не перерывая ее, только несколько раз сказал "ну" (это его привычка). Когда она его благодарила, что так скоро ее стих напечатан, то он сказал ей ласково: "За что же, лучше мы вас поблагодарим", и руку ей подал. Сказал, что будет у нас на днях. Прощаясь, подал и мне руку, и я была так счастлива. Когда мы вышли на улицу, я долго не могла опомниться. Шатаясь, едва передвигала ноги, взяла Олюшу под руку, мою милую, мою драгоценную, мое блаженство и счастье моей жизни. Через нее сколько мне было радостей, которых описать не достанет ни моих сил, ни ума. Неужели Некрасов, первый наш поэт и человек с такой душой, освятит своим присутствием наш скромный уголок... (лп. 88 об. - 90).

Среда 13. ... Все утро ждали Некрасова. В 12 часов позвонил кто-то. Мы думали он, засуетились, но это был папа... (л. 90 об.).

Воскр<есенье> 17. Дождь... Все ждем Некрасова... (л. 91).

Ноябрь

Пят<ница> 5. Мороз, тихо. ... Ездили к Некрасову, не застали его дома. Видели его старшего сотрудника и его верную собаку Фингала. Она Олюшу лизнула прямо в рот, она испугалась и долго не могла забыть его мокрый, огромный язык. Утром были детушки, Олюша от Некрасова прямо прошла к княг<ине> Она ей обрадовалась и не отпускала домой Там был князь Алексан<др> Эрис<тов>, с ней долго толковал о литературе. Ей было очень интересно с ним говорить Он знает Некрасова, гостил у него в деревне, говорил, что Некрас<ов> мизантроп, удивлялся, что он хотел к нам приехать (л 97 об.)

Пон<едельник> 8 Ясно, тихо. Ездили к Некрас<ову>. Он нас принял холодно, отнял почти надежду, что приедет к нам. Он был или занят, или не в духе, я думаю, что вернее последнее. Мне очень сделалось грустно в первую минуту. Мне блеснула мысль: "Ну и в этом обманулись, опять Олюше горе". Но потом рассудила, что он очень занят, чтоб вести так отлично журнал, как ведет он, надобно не иметь минуты свободной. Он дал записку, по которой она может в конторе получить 20 руб. за два стиха. Это ее не обрадовало, и она тут же сказала: "Я пришла к вам не за этим". Верно, суждено ей быть не понятой. Бог с ними, мы точно *отверженные*. Все наши надежды разлетелись в прах. Мы имели неосторожность многим сказать, что Некр<асов> к нам хотел приехать, теперь очень жалеем об этом (л 98).

Пят<ница> 12. Ветер, пасмурно. Ходили за сапожками и проводили Поличку. По дороге разговорились об Некрасове. Олюша огорчена его приемом, не может забыть, слезы брызнули. Она мне сказала, "Я, не смотря на это, я его люблю" (л 100).

Пон<едельник> 15. Мрачно, дождь. Вечер, лунный свет. Только открыла глаза, первая мысль была, что сегодня неделя, как были у Некр<асова>, как он дал нам записку для получения денег за стихи. Мы до сих пор не посылали за деньгами, Олюша долге не хочет посылать, чтоб доказать ему, что не за этим мы к нему приходили. Ей очень грустно и мне также, но по временам меня надежда оживляет, думаю, что он приедет, что на земле, то еще не потеряно, только бы он был жив и здоров, наш дорогой поэт" (л. 101).

Пон<еделник> 7. Большой мороз. Первый день поста Олюша на 6-е число, т. е. воскресенье, написала стих Некрасову. Заставила меня плакать от восторга. Вот этот стих.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
(Н. А. Некрасову)

Мне говорят твой чудный голос - ложь,
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь к добру толпу влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою
Но их речам меня не убедить
Иное мне твой взгляд сказал невольно,
Поверить им мне было б горько, больно
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень
Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?
Ужель молве дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе?
И мы сказать в лицо молве не вправе:
Не может быть!

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнь свою?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстанусь я моею.
Но нет! и им ее не истребить;
В твои глаза смотря с немим волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!..

Ольга Павлова (лл. 137--138)